

Нет автора

Русская старина

1884. 1_3

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1884. 1_3 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 774 с.

ISBN 978-5-458-02792-2

ISBN 978-5-458-02792-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

тельно, то не въ политическомъ, а въ экономическомъ отношеніи, чтобы была достигнута основная мысль учрежденія колоній—научить русскихъ лучше хозяйничать. Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, большинство населенія—эсты и латыши не считаютъ себя вовсе нѣмцами, хотя (за исключеніемъ одной пятой ихъ части въ Лифляндіи, принявшихъ православіе) исповѣдуютъ лютеранскую вѣру; стало быть большинства населенія даже не коснулось тамъ замѣчаемое въ русскихъ нѣмцахъ отождествленіе религіи съ національностью. Во вторыхъ, въ лютеранскомъ духовенствѣ вовсе нѣтъ той корпоративной замкнутости, того политическаго властолюбія, того единства въ стремленіи къ достиженію своихъ особыхъ мірскихъ цѣлей, путемъ религіознаго вліянія на массы и на отдѣльныхъ лицъ,—вліянія, поддерживаемаго исповѣдью и полнымъ подчиненіемъ воли экзальтированныхъ женщинъ и фанатизированныхъ мужчинъ руководству своего *directeur de conscience*,—которые отличаютъ духовенство католическое, дѣлая изъ него *status in statu*—политическую партію, имѣющую свою особую политическую программу. Лютеранскія консисторіи состоятъ на половину изъ свѣтскихъ лицъ и еслибы въ дѣйствіяхъ ихъ было замѣтно какое-либо нежелательное направленіе (положимъ хоть въ смыслѣ означенія эстовъ и латышей), то въ этомъ случаѣ духовенство только слѣдовало бы за движеніемъ въ средѣ дворянства, а не руководило бы этимъ движеніемъ. Пасторы подчинены консисторіямъ въ дѣлахъ официальныхъ, въ отправленіи служебныхъ обязанностей; но они самостоятельны въ личныхъ политическихъ убѣжденіяхъ. Если пасторъ является русофобомъ, то онъ является таковымъ самъ по себѣ, или какъ представитель мѣстной нѣмецкой интеллигенціи, а вовсе не какъ служитель лютеранской церкви. Вообще лютеранское духовенство у насъ не образуетъ особой клерикально-нѣмецкой партіи; не имѣетъ общихъ корпоративныхъ стремленій, въ чемъ либо противныхъ правительству; занимается своимъ дѣломъ, печется о своей паствѣ и по своей организаціи поставлено къ правительству въ удовлетворительныя отношенія; но, разумѣется, нѣмецъ, дѣлаясь пасторомъ или генераль-суперинтендентомъ, не перестаетъ быть нѣмцемъ и до известной степени проводить, въ сферѣ своей дѣятельности, свои личныя воззрѣнія. Пасторы, въ большинствѣ, по уровню своего образованія, стоятъ выше духовныхъ лицъ другихъ исповѣданій; имъ чужды грубые пороки и пьянство; они часто, лично, люди почтенные; многіе изъ нихъ, особенно въ городахъ, искренно преданы попеченіямъ о своей паствѣ, дѣламъ проповѣди, назиданія, благотворительности, обученія дѣтей бѣдныхъ прихожанъ.

Церковныя школы, при лютеранскихъ киркахъ, привлекаютъ къ себѣ иногда и православныхъ учениковъ. Не говоря объ извѣстной Петершуплѣ въ Петербургѣ, даже въ Царскомъ Селѣ, въ маленькой школѣ при лютеранской церкви, обучаются и православныя дѣти, для преподаванія коимъ закона Божія приглашенъ православный священникъ; но прочіе предметы преподаются по нѣмецки. Въ Прибалтійскомъ краѣ крестьяне обязаны первоначальнымъ развитіемъ между ними грамотности—пасторамъ; они же первые стали разрабатывать мѣстныя нарѣчія; составили эстонскіе и латышскіе буквари и грамматикки; стали издавать на народныхъ нарѣчіяхъ дешевыя книжки и газеты. Въ одномъ можно упрекнуть отчасти сельскихъ пасторовъ—они испановались, т. е. стали барами; въ нихъ мало христіанскаго смиренія; они держатъ себя гордо и далеко отъ народа, пользуясь такимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ, которое приравниваетъ ихъ къ помѣщикамъ. Вообще говоря, правительство можетъ, мнѣ кажется, оставаться къ лютеранскому духовенству въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, оказывая ему поддержку и содѣйствіе въ его духовныхъ нуждахъ, вездѣ, гдѣ это возможно, не ставя только лютеранскаго исповѣданія въ привилегированное, относительно господствующей православной церкви, положеніе и настаивая единственно на соблюденіи духовенствомъ нашихъ законовъ и на непротиводѣйствіи ко введенію русскаго языка въ обученіе и даже въ проповѣдь тамъ, гдѣ это будетъ признано полезнымъ. При умѣренности въ требованіяхъ правительства и при твердости его въ настояніи на своемъ тамъ, гдѣ это дѣйствительно необходимо, можно легко вести дѣла лютеранскаго вѣроисповѣданія, не мудрствуя лукаво и сохраняя къ представителямъ сего вѣроисповѣданія самыя лучшія отношенія, которыя могутъ служить примѣромъ для католическаго исповѣданія. Излишняя уступчивость правительства (напримѣръ, въ устраненіи русскаго языка изъ колонистскихъ народныхъ школъ) можетъ быть настолько же вредна, по отношенію къ самому дѣлу и даже для поддержанія добрыхъ отношеній къ лютеранской церкви,—какъ и непоумѣрныя требованія, ибо слабость правительства возбуждаетъ чрезвычайныя притязанія, опирающіяся на полученныя уступки,—и дѣло позже кончается большимъ разладомъ, чѣмъ въ случаѣ своевременнаго настоянія на справедливыхъ требованіяхъ правительства. Я, впрочемъ, допускаю возможность столкновенія между желаніями лютеранскаго духовенства и правительства только по двумъ, покуда, вопросамъ: по введенію русскаго языка вообще и по охраненію интересовъ правительства въ Лифляндской губерніи.

Разумѣется, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что люди, считающіе нѣмецкій языкъ роднымъ языкомъ, въ правѣ желать молиться въ церквахъ и слушать проповѣди на родномъ языкѣ. Но нельзя же людямъ, живущимъ въ Россіи, не учиться русскому языку въ народныхъ школахъ. Между тѣмъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ пасторы противодействуютъ введенію въ обученіе русскаго языка, стараются придать народнымъ школамъ — характеръ чисто церковныхъ, нѣмецкихъ школъ и въ дву-классныхъ школахъ готовятъ себѣ только помощниковъ-кистеровъ и школьныхъ учителей. Земство и сами колонисты смотрятъ на дѣло иначе, и правительство должно ихъ поддерживать противъ притязаній пасторовъ. Точно также въ Прибалтійскихъ губерніяхъ правительство должно бы всѣми мѣрами содѣйствовать удовлетворенію желанія сельскаго населенія обучаться въ школахъ русскому языку. Замѣчательно, что въ менонитскихъ школахъ обученіе русскому языку введено по желанію самихъ менонитовъ, у которыхъ, вмѣсто присланныхъ лютеранскою консисторіею пасторовъ, есть только свои, выборные наставники. Съ другой стороны, приведу рассказанный мнѣ лично, съ гордостью, однимъ пасторомъ, примѣръ того, чего можетъ достигнуть, посредствомъ школы, одинъ нѣмецкій пасторъ-культуртрегеръ. На Кавказѣ есть колонія, образованная изъ шотландцевъ-сектаторовъ, выселившихся изъ отечества въ царствованіе королевы Елизаветы или позже, вслѣдствіе стѣсненій, коимъ они подвергались со стороны господствующей церкви. Колонисты привезли съ собою своего проповѣдника; но потомъ, по смерти его, не имѣя въ своей средѣ кѣмъ его замѣнить, просили лютеранскую консисторію прислать имъ пастора, который согласился бы соблюдать ихъ обряды. Явился пасторъ-нѣмецъ въ среду шотландцевъ, окруженныхъ армянскимъ, грузинскимъ и татарскимъ населеніемъ. Пасторъ ввелъ въ мѣстной школѣ преподаваніе нѣмецкаго языка и понемногу сталъ замѣнять прежніе обряды колонистовъ — чисто лютеранскими. Преемники его шли далѣе тѣмъ же путемъ и не прошло ста лѣтъ, даже, кажется, шестидесяти лѣтъ съ назначенія перваго нѣмецкаго пастора, — и шотландскіе сектаторы, бросившіе родину изъ ревности къ ученію своей секты, переродились, въ кавказской глуши, вдали отъ нѣмецкаго населенія, въ чистыхъ нѣмцевъ-лютеранъ, забыли свой родной языкъ и ученіе своей секты, и это достигнуто упорными, но одиночными, усиліями пасторовъ, которые, вмѣсто того, чтобы самимъ научиться языку своихъ прихожанъ, сумѣли заставить ихъ, посредствомъ обученія въ школахъ двухъ-трехъ поколѣній, промѣнять свой родной языкъ на нѣмецкій.

Такихъ же результатовъ могли-бы достигнуть пасторы и относительно эстовъ и латышей, если-бы они давно еще, при крѣпостномъ правѣ, принялись серьезно за ихъ онѣмеченіе. Но въ то время это не входило въ программу мѣстныхъ пасторовъ, сдѣлавшихся зажиточными и гордыми помѣщиками и смотрѣвшихъ на крѣпостное мѣстное населеніе съ слишкомъ большимъ пренебреженіемъ, чтобы думать о поднятїи ихъ, образованіемъ, до уровня нѣмцевъ. Лучшіе-же, наиболѣе дѣятельные молодые пасторы заинтересовались забитымъ народомъ и его особыми нарѣчіями и стали, изъ любви къ наукѣ, разрабатывать эти нарѣчія. Теперь, когда эсты и латыши стали свободнѣе и развитѣе, когда у нихъ есть уже своя народная литература, когда они стремятся къ изученію русскаго языка, для сближенія съ своими покровителями русскими и для полученія льготъ по образованію, при поступленіи въ военную службу,—онѣмечивать ихъ уже поздно. Что касается до введенія русскаго языка въ лютеранскую проповѣдь и богослуженіе, то правительству, по моему мнѣнію, слѣдовало бы не настаивать на этомъ, вопреки желанію прихожанъ и пасторовъ; ограничиться оказаніемъ особаго вниманія и поощренія тѣмъ пасторамъ, которые, зная хорошо русскій языкъ, употребляютъ его въ проповѣди и богослуженіи, коль скоро онъ понятнѣе нѣмецкаго для большинства прихожанъ (какъ дѣлаетъ это ¹⁾), на Петербургской сторонѣ, пасторъ Мазингъ,—сынъ одного изъ пасторовъ, много потрудившихся по обработкѣ эстонскаго языка),—или, по крайней мѣрѣ, могли бы произносить русскія проповѣди при особыхъ случаяхъ, когда въ церкви больше русскихъ, чѣмъ нѣмцевъ, напримѣръ: при погребеніи русскихъ чиновниковъ и офицеровъ-лютеранъ, когда на похороны собираются ихъ сослуживцы, вынужденные любоваться на восторженную жестикуляцію пасторовъ, сопровождающую непонятную слушателямъ рѣчь. Кажется, на этой почвѣ, могли бы вполне сойтись лютеранское духовенство и правительство и идти всегда дружно объ руку, показывая тѣмъ примѣръ другимъ исповѣданіямъ,—ибо духовенство это *in cogrore* (если не безусловно въ лицѣ всѣхъ его членовъ) чуждо всякихъ враждебныхъ правительству интригъ и происковъ; а достиженію прямыхъ цѣлей духовенства—возможно лучшаго обезпеченія духовныхъ нуждъ всѣхъ лютеранъ—правительство не можетъ не сочувствовать и должно отдать справедливость усердію, въ этомъ отношеніи, лютеранскихъ духовныхъ учреждений.

Переходя къ частному вопросу о православныхъ крестьянахъ

¹⁾ Это относится къ 1860—1876 гг., когда писаны эти Записки.

въ Лифляндіи, я не буду распространяться о началѣ обращенія эстовъ и латышей въ православіе, ибо дѣло было не при мнѣ и его лучше меня изложилъ Ю. Ѡ. Самаринъ. Скажу только, что, независимо отъ сочиненій Самарина, которыя я читалъ гораздо позже, — прочтеніе всей официальной переписки по этому вопросу развило во мнѣ полное убѣжденіе, что тутъ не было ни малѣйшей правительственной подготовки, ни малѣйшаго участія, ни явныхъ, ни какихъ-то тайныхъ, будто-бы, агентовъ правительства; что для правительства движеніе эстовъ и латышей было такимъ-же сюрпризомъ, какъ и для остзейскихъ бароновъ и пасторовъ и что, какъ только это движеніе охватило массы и грозило принять, помимо религіознаго, аграрный характеръ, правительство искренно и безъ заднихъ мыслей озабочилось охраненіемъ общественнаго спокойствія и даже постановленіемъ нѣкоторыхъ преградъ и формальностей, умѣрившихъ и ограничивавшихъ присоединеніе крестьянъ цѣлыми массами къ православію. Но, съ другой стороны, надо сознаться, что движеніе не имѣло исключительно религіознаго характера; что не догматическое превосходство православія, — котораго понять и вполне усвоить себѣ не могли-бы темные и забытые крестьяне, — влекло ихъ къ нашей вѣрѣ. Я объясняю себѣ корень движенія слѣдующимъ образомъ. Побывавшіе внутри Россіи эсты и латыши, въ особенности отставные солдаты, рассказывали о житьѣ-бытьѣ русскихъ православныхъ крестьянъ — государственныхъ, т. е. крестьянъ свободныхъ, получившихъ отъ казны достаточный надѣлъ за весьма умѣренный оброкъ, — тогда какъ въ Лифляндіи, хотя крестьяне и считались свободными, но оставались подъ строгою опекою помѣщиковъ и даже крестьяне казенныхъ имѣній несли довольно тяжелую барщину въ пользу арендаторовъ этихъ имѣній, хотя размѣръ барщины въ казенныхъ имѣніяхъ и былъ ограниченъ вакенбухами. Переводъ крестьянъ казенныхъ лифляндскихъ имѣній на умѣренный денежный оброкъ, вносимый непосредственно въ казну, состоялся гораздо позже. Подъ влияніемъ этихъ рассказовъ, представлявшихъ бѣднымъ эстамъ и латышамъ бытъ русскихъ православныхъ крестьянъ въ преувеличенно-розовомъ свѣтѣ, — родилась у нихъ мысль, будто русскіе крестьяне заслужили у дара эти милости тѣмъ собственно, что они его единовѣрцы и будто эсты и латыши, принявъ православіе, также получаютъ отъ казны хорошія земли, за легкой оброкъ, если не въ самой Лифляндіи, то на югѣ Россіи, куда ихъ переселятъ на казенный счетъ. Достаточно было такого слуха, чтобы поднять на ноги цѣлую массу болѣзненно жаждавшихъ улучшенія своего быта эстовъ и латышей.

«Was man wünscht, glaubt man gern», говорятъ нѣмцы. Да и кому было разувѣрить и вразумить крестьянъ? Помѣщикамъ они не вѣрили, тѣмъ болѣе, что тѣ были лично заинтересованы въ удержаніи даровыхъ рабочихъ. Пасторамъ они также не вѣрили, потому что они держали себя слишкомъ близко къ помѣщикамъ и слишкомъ далеко отъ народа; къ тому же пасторы тоже пользовались барщиною, какъ съ крестьянъ, водворенныхъ на пасторатскихъ земляхъ, такъ и съ крестьянъ помѣщичьихъ и казенныхъ имѣній—въ видѣ церковныхъ повинностей, о коихъ говорено выше (глава VI). Мѣстныя власти, частью выборныя изъ тѣхъ-же помѣщиковъ и вообще державшія сторону помѣщиковъ противъ крестьянъ, не могли также внушить крестьянамъ довѣрія. Когда движеніе крестьянъ приняло серьезные размѣры, правительство попробовало сперва его урегулировать, ввести въ извѣстныя формы, задержать и выдѣлить крестьянъ, легкомысленно и подъ вліяніемъ ложныхъ слуховъ, а не по искреннему и твердому намѣренію стремившихся къ православію. Въ этихъ видахъ велѣно было записывать всѣхъ желающихъ принять православіе и лишь годъ спустя послѣ такой записки приступать къ муропомазанію тѣхъ, кои между тѣмъ не измѣнятъ своего намѣренія. Но крестьяне на эту самую записку стали смотрѣть какъ на составленіе, заблаговременно, списковъ желающихъ переселиться на казенныя земли, для принятія мѣръ къ приготовленію земель этихъ и способовъ къ водворенію поселенцевъ. Батраки пошли записываться цѣлыми семействами; крестьяне же хозяева предпочитали иногда удержать за собою свои участки и, оставаясь сами лютеранами, посылали записываться сыновей своихъ, за исключеніемъ одного, оставляемаго наследникомъ отцовскаго участка. Были случаи, что, когда одинъ изъ братьевъ былъ занятъ работами, за него ходилъ записываться другой, объявляя братино имя вмѣсто своего; тоже повторялось даже при муропомазаніи. Изъ этого выходила такая путаница, что муропомазаны были одни, а записаны другіе и въ списки попали такіе, которые православія не принимали. Между тѣмъ, по прошествіи двухъ-трехъ лѣтъ, когда крестьяне убѣдились на дѣлѣ, что переходъ въ православіе не доставилъ имъ ни надѣла казенной земли, ни другихъ какихъ-либо льготъ, а только подвергъ ихъ послѣдствіямъ особаго нерасположенія къ нимъ пасторовъ и помѣщиковъ и когда, въ то же время, приняты были нѣкоторыя общія мѣры къ улучшенію положенія крестьянъ и размѣръ барщины ихъ былъ ограниченъ и облегченъ, восстановленіемъ нормы опредѣленной въ вакенбухахъ,—движеніе крестьянъ пріостановилось и разочарованіе

нѣкоторыхъ изъ присоединившихся къ православію побудило ихъ гнать обратно въ лютеранство, хотя число такихъ и было весьма ограничено, благодаря нерасположенію крестьянъ къ пасторамъ и слабой привязанности ихъ къ прежней вѣрѣ, мало говорящей воображенію простыхъ, неразвитыхъ людей, по отсутствію въ ней вышней обстановки и пышной обрядности. Тутъ пошла ликвидація всей операціи и сведеніе счетовъ. Пошли повѣрять списки, распредѣлять крестьянъ по приходамъ и рѣшать по документамъ: кто долженъ считаться православнымъ и кто лютераниномъ. Изъ-за путаницы въ спискахъ, возникла сложная переписка, пререканія и споры между православнымъ и лютеранскимъ духовенствомъ о нѣсколькихъ десяткахъ душъ, принадлежность коихъ оказывалась сомнительною. При рѣшеніи этихъ споровъ, не думали спрашивать предметъ спора— живыхъ людей: «къ какой вѣрѣ они хотятъ принадлежать»; а руководствовались только письменными документами, какъ будто бы дѣло шло о недвижимомъ имуществѣ. Если же крестьяне, признанные по документамъ православными, сами продолжали считать себя лютеранами, то ихъ официально признавали возвратившимися изъ православія. Рѣшеніе послѣднихъ изъ этихъ споровъ оттянулось до времени моей службы по остзейскимъ дѣламъ, т. е. до начала 1860-хъ годовъ.

По этому вопросу были тогда въ Ригѣ и Петербургѣ совѣщанія, при участіи рижскаго архіепископа Платона. Я имѣлъ тогда случай познакомиться съ почтеннымъ и умнымъ преосвященнымъ Платономъ. Я безусловно сочувствовалъ взгляду, съ коимъ согласился и самъ преосвященный, рѣшившійся отказаться отъ нѣсколькихъ десятковъ латышей, записанныхъ православными, но лично желавшихъ быть лютеранами. Тѣмъ и покончены были эти дразги, ронявшіе достоинство православія. Администрація наконецъ поняла, что не полицейскими мѣрами, канцелярскими придирками и официальными увѣщаніями можно удержать и укрѣпить въ православіи перешедшихъ въ него эстовъ и латышей, а устройствомъ для нихъ приличныхъ церквей и школъ, улучшеніемъ состава и обезпеченіемъ содержанія православнаго духовенства. Въ первое время положеніе православнаго духовенства и его паствы въ Лифляндіи было поистинѣ тяжелое. Все надо было заводить и устраивать вновь: за неимѣніемъ церквей, службы отправлялись въ наемныхъ домахъ и сараяхъ, при самой жалкой обстановкѣ. Священники выбраны были хорошіе и имъ дано было порядочное, сравнительно съ внутренними губерніями, содержаніе— по 600 рублей въ годъ, а потомъ и болѣе. Но они не

знали мѣстныхъ нарѣчій и были сперва какъ въ лѣсу въ чужой сторонѣ, гдѣ ихъ встрѣтило недоброжелательство пасторовъ, помѣщиковъ, нѣмцевъ-чиновниковъ и отчасти даже крестьянъ-лютеранъ. Прихожане ихъ были большею частью бѣднѣйшіе изъ крестьянъ, мало развитые, притомъ разочарованные въ прежнихъ ожиданіяхъ, оставшіе отъ лютеранской церкви, но вовсе не знакомые еще съ православіемъ. Матеріальное положеніе православныхъ священниковъ незавидно, потому что не легко жить въ деревнѣ на 600 рублей, безъ всякаго дохода отъ бѣдныхъ прихожанъ, человѣку семейному, когда у него нѣтъ ни клочка земли, ни огорода, ни выгона, и каждый кочанъ капусты, каждую кринку молока нужно покупать за деньги, какъ въ городѣ, да и купить-то не всегда легко по близости, коль скоро у православныхъ батраковъ ничего у самихъ нѣтъ; а лютеране-хозяева и помѣщики продаютъ священнику по мелочи не охотно и дорого и усадьбы ихъ разбросаны на большомъ разстояніи, а не скучены деревнями, какъ у насъ. При такихъ условіяхъ, священники смотрѣли на свои приходы какъ на ссылку и, прослуживъ лѣтъ пять—десять, усиленно хлопотали о переводѣ во внутреннія губерніи. Такимъ образомъ паства лишалась часто успѣвшихъ ознакомиться съ мѣстными нарѣчійми и освоиться съ краемъ священниковъ, коихъ смѣняли новыя, начинавшіе снова то же изученіе края и языка. Лишь постепенно, послѣ многихъ лѣтъ, устроенная въ Ригѣ семинарія успѣла образовать мѣстныхъ священниковъ изъ латышей, эстовъ и обжившихся въ краѣ русскихъ; а правительство успѣло построить церкви для значительной части приходовъ и объявить ихъ необходимыми; но и тогда многіе приходы оставались безъ церквей, церкви безъ многихъ необходимыхъ предметовъ, селенія—безъ школъ, а школы—безъ хорошихъ учителей, пока, въ послѣдніе уже годы, не возникли церковныя братства и дѣлу не пришла на помощь общественная поддержка православныхъ братій изъ всей Россіи. Если, при такой обстановкѣ православныхъ церквей и духовенства, при разочарованіи принявшихъ православіе крестьянъ, — не только не получившихъ за это никакихъ льготъ, но подвергавшихся, нерѣдко, неприяностямъ со стороны помѣщиковъ, — число колебавшихся и желавшихъ возвратиться въ лютеранство не превышало нѣсколькихъ десятковъ душъ и было ничтожно въ сравненіи съ общою массою новообращенныхъ—до 120,000 душъ,—то это ясно доказываетъ, что православное духовенство успѣло таки стать ближе къ своей паствѣ, чѣмъ лютеранское; успѣло болѣе привязать крестьянъ, въ нѣсколько лѣтъ, къ новому исповѣданію, чѣмъ лютеранское, имѣвшее на то

два столѣтія. Въ пасторѣ крестьяне видѣли барина, въ священникѣ находили совѣтника, руководителя, при случаѣ и ходатая въ своихъ нуждахъ; видѣли въ немъ такого-же труженика, какъ они сами, не отказывавшаго имъ ни въ молитвѣ, ни въ словѣ утѣшенія, назиданія и сочувствія. Примѣромъ священникамъ въ этомъ случаѣ служилъ преосвященный Платонъ, ходатайствовавшій за крестьянъ, когда могъ, передъ генералъ-губернаторомъ и не упускавшій случая выказать имъ свое сочувствіе. Вотъ, для примѣра, эпизодъ, слышанный мною отъ очевидца. Проѣзжая разъ, при объѣздѣ епархіи, мимо лютеранскаго кладбища, преосвященный Платонъ замѣтилъ группу крестьянъ около гроба и вырытой могилы и былъ пораженъ отсутствіемъ пастора при погребеніи. Онъ остановилъ экипажъ и подошелъ къ крестьянамъ, отъ которыхъ услышалъ, что они одни, безъ обряда и молитвы, хоронятъ своего товарища, потому что, по бѣдности его, не только пасторъ, но и кистеръ отказался обвѣнчаться придти проводить покойника до могилы. «Если такъ», сказалъ онъ, «желаете-ли вы, чтобы вмѣсто лютеранскаго кистера, православный архіерей прочелъ молитву и благословилъ могилу, чтобы собрать нашъ былъ погребенъ по христіански, а не безъ молитвы и благословенія былъ просто зарытъ въ землю». Крестьяне, разумѣется, съ радостью и благодарностью приняли предложеніе и нѣтъ сомнѣнія, что этотъ случай произвелъ на нихъ глубокое впечатлѣніе и не остался безъ огласки въ околоткѣ.

Теперь, слава Богу, положеніе православія въ Лифляндіи, улучшилось и упрочилось: почти всѣ приходы имѣютъ приличныя, а нѣкоторыя прекрасныя церкви и хорошія школы, куда стремятся люды и лютеране, въ видахъ изученія русскаго языка; священники, крогъ денежнаго содержанія, получили, большею частью, участки земли отъ казны, могутъ имѣть своихъ коровъ и лошадей, свои овоци и сдавать часть земли въ аренду, подобно пасторамъ. Прихожане ближе ознакомились и сроднились съ православіемъ и я смѣю думать, что если бы даже обстоятельства такъ измѣнились, чтобы матеріальные расчеты могли побуждать лифляндскихъ православныхъ крестьянъ къ обратному переходу въ лютеранство, то они не такъ легко измѣнили бы теперь православію, какъ 30 лѣтъ назадъ отпали отъ лютеранства.

IX.

Вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ и исповѣданіи дѣтей, рожденныхъ, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, отъ родителей разныхъ исповѣданій.

Въ 1861 году, остзейскій генералъ-губернаторъ, князь Суворовъ, испросилъ Высочайшее повелѣніе объ образованіи особой комисіи для пересмотра постановленій о вѣротерпимости въ Прибалтійскомъ краѣ. Поводомъ къ этому послужили жалобы мѣстнаго дворянства на то, будто бы нѣкоторыя общія, примѣняемая въ томъ краѣ, постановленія противорѣчатъ началу вѣротерпимости и нарушаютъ мѣстныя, дворянскія привиллегіи, обезпеченныя Ниптатскимъ мирнымъ договоромъ. Цѣль дворянства заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы добиться разрѣшенія крестить по лютеранскому обряду дѣтей, рожденныхъ отъ смѣшанныхъ браковъ православныхъ съ лютеранами. По этому вопросу составлена была въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ подробная записка, гдѣ разобраны, исторически, развитіе нашего законодательства по этому предмету, существующія о семъ постановленія и отношенія ихъ къ общему принципу вѣротерпимости. Вообще составитель записки, съ которою мнѣ удалось ознакомиться, держался того взгляда, что, въ видахъ ближайшаго подчиненія нашихъ узаконеній началу вѣротерпимости, можно бы допустить въ нихъ нѣкоторыя измѣненія вообще для всей имперіи, именно: разрѣшить начальникамъ губерній освобождать иновѣрцевъ, вступающихъ въ бракъ съ православными, отъ обязательства крестить дѣтей въ православную вѣру, если ходатайство о томъ основано на искреннемъ желаніи вступающихъ въ бракъ, а не на настояніи иновѣрнаго духовенства (подобно тому, какъ испрашивались такія разрѣшенія для иностранныхъ подданныхъ, вступающихъ въ бракъ съ русскими, съ тою разницею, что для нихъ требовалось каждый разъ Высочайшее разрѣшеніе), и устранить вообще преданіе уголовному суду совратившихся изъ православія. Но, по смыслу записки, признавалось вовсе неумѣстнымъ давать такое разрѣшеніе въ видѣ исключительной привиллегіи для остзейскихъ губерній, такъ какъ прежнія ихъ привиллегіи имъ на это права вовсе не давали и было странно обращать вѣротерпимость въ новую, исключительную, сословную привиллегію для остзейскихъ бароновъ и бюргеровъ, признавать за прежними привиллегіями значеніе, какого онѣ не имѣли, и совидать новый въ законодательствѣ пунктъ для обособленія Прибалтійскаго края отъ остальной Россіи. Все это докладывалось, вы-